
**ИЗ ИСТОРИИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ В.М. АЛПАТОВА
“ВОСТОКОВЕДЫ. ЯЗЫКОВЕДЫ. ИСТОРИКИ”**

© 2014 г. К. Г. Красухин

В статье обсуждается книга чл.-корр. РАН В.М. Алпатова, содержащая биографии двадцати учёных-гуманитариев, занимавшихся востоковедением, языкознанием, историей. Их судьба неотделима от истории советского и российского общества. Книга является важным вкладом в изучение истории отечественной гуманитарной науки, но, как любой авторский текст, содержит отдельные спорные суждения.

This article reviews Vladimir M. Alpatov's book containing biographies of twenty scholars proficient in linguistics, Oriental studies, and history. Their fates and lives are inseparable from the history of the Soviet and Russian society. This book makes significant contribution to the history of the Russian humanitarian studies; however, it contains some disputable points, as, perhaps, each text resonating with its author's presence, does.

Ключевые слова: история языкознания, востоковедение, советское общество.

Key words: History of linguistics, Oriental studies, Soviet society.

Известный японист, чл.-корр. РАН В.М. Алпатов около четверти века занимается историей языкознания; особенно много – советским языкознанием 20–50-х гг. XX в. Им опубликованы такие книги, как “Март: История одного мифа” (1991 г., переиздание 2004 г.); «“Дело славистов”: 30-е годы» (1994 г., в соавторстве с Ф.Д. Ашниным) – о так называемом “Деле русской национальной партии”, по которому в 30-е гг. были арестованы такие учёные, как Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, В.Н. Сидоров, а также археологи, реставраторы и многие другие; “Волошинов, Бахтин и лингвистика” (2005); выдержавший четыре издания учебник “История лингвистических учений” и много статей, посвящённых коллегам и сослуживцам. В новой книге (М.: ЯСК, 2012) собраны очерки о двадцати учёных, занимавшихся лингвистикой и востоковедением, а также о родителях автора – крупном историографе проф. М.А. Алпатове и выдающемся византисте, член-корр. АН СССР З.В. Удальцовой, создавшей большую школу византиноведения в СССР.

Как отмечает автор в предисловии, его задачей было популярно, доступно для широкого читателя рассказать обо всех этих незаурядных людях. Сразу отметим, что эту задачу автор выполнил. Книга написана живо и увлекательно, стилем, бесконечно далёким от научного волапука. Проблемы, которыми занимались герои книги, освещены доступно и популярно либо только на-

званы. Сами же герои – это и большие учёные, проявившие высокое мужество и принципиальность в тяжёлых перипетиях, и те, кто сломился, удачно или неудачно стараясь приспособиться к обстоятельствам, и умелые администраторы от науки, гонители и гонимые. Их жизнь неотделима от эпохи с 20–30 гг. до начала XXI века. На время их жизни пришлось все драматические события минувшего столетия: от Октябрьского переворота до распада СССР. Они принимали участие не только в научной жизни, но и в политической. И обо всём этом автор рассказывает чрезвычайно интересно. В.М. Алпатов не скрывает и собственных политических взглядов и предпочтений, поэтому мне тоже придётся затрагивать вопросы политики. Что же, история науки неотделима от истории общества.

Автор в полной мере проявляет свою эрудицию, далеко выходящую за пределы японистики. Он хорошо осведомлён об интересах героев своих очерков – не только востоковедов, но и славистов, русистов, компаративистов. Самый старший из них – Н.Я. Март – родился в 1864 г., самый младший – С.А. Старостин – в 1953. Таким образом, книга В.М. Алпатова охватывает почти век российской гуманитарной науки. Порой читатель узнаёт совсем неожиданные вещи, – например, что известная писательница Л. Петрушевская приходится родной внучкой Н.Ф. Яковлеву, одному из основателей фонологии, крупнейшему кавказоведу.

Historia – magistra vitae (История – наставница жизни). Этот афоризм часто вспоминается при чтении книги. Свой очерк о Марре автор завершает рассказом о возрождении некоторых его идей в околонуучной сфере. В поддержку Марра выступают, к примеру, философ Ф.И. Гиренок и историк Б.С. Илизаров (заметим, выдающийся архивист и знаток 30-х годов XX в.) В.М. Алпатов отмечает, что интерес к Марру обострился в конце 80-х гг. в связи с новыми разоблачениями Сталина. Марр воспринимался как одна из его жертв, что вызвало к нему симпатию, желание разобраться в его учении¹. Действительно, в это время крупный философ М.П. Капустин всерьёз утверждал, что Марр нашёл некую тайну слова, которая напугала Сталина. А Вяч.Вс. Иванов писал ещё до перестройки [4], что Марр обращался к архаичным пластам сознания, диффузным звукам, жестовому языку. Всё это так, однако никто не сказал о каких-либо позитивных результатах, достигнутых Марром в этих областях. В своих выступлениях Вяч.Вс. Иванов утверждает, что Марр был гениальным человеком, но после 1926 г. перенёс психическую травму, с чем и связана сумбурность и алогизм многих его текстов. Однако безумные, не подкреплённые фактами идеи у Марра стали появляться значительно раньше. Психика же среднего человека такова, что она не удовлетворяется рациональным объяснением мира, всегда тянется к мистике, чуду, необъяснимому. Этим объясняется невероятная популярность астрологов и экстрасенсов. Неудовлетворённость механистической картиной мира чувствуют и многие крупные учёные. Так, в 1920-е–1960-е гг. эволюционную теорию Дарвина критиковали великие биологи Л.С. Берг и А.А. Любищев. А дарвиновское учение справедливо относят к той же парадигме науки, что и сравнительно-историческое языкознание: обе доктрины описывают эволюцию как спонтанный процесс, не подверженный воздействию высших сил.

¹ Конечно, это не единственная причина интереса к Марру. В книге В.М. Алпатова [1] показано, что попытки реабилитации учения Марра появлялись и значительно раньше. Так, член-корреспондент АН Р.А. Будагов неоднократно заявлял устно и письменно, что он не защищает “четырёх-элементный анализ”, но Марр был велик тем, что думал о связи языка и мышления, языка и общества и т.д. (см., например, [2]). Книга Б.А. Серебrenникова [3], резко критикующая “неомарристов”, вызвала их гнев и шквал политических доносов на автора. Поэтому, несмотря на высокий авторитет и общественное положение положение Б.А. Серебrenникова (на тот момент член-корреспондента АН), часть тиража была уничтожена. Марра старались реабилитировать те, кто воображал возможность существования особой марксистской лингвистики, резко порывающей с традиционной “буржуазной”.

Но учёные стараются опровергнуть существующие научные парадигмы научными же аргументами, а дилетанты (каковым в языкознании был Марр) себя этим не утруждают. И высказывание Марра о языке как о “трудмагической деятельности”, не имея рационального смысла, отвечает любви дилетанта к иррациональному. Совершенно справедливо В.М. Алпатов указывает, что Марра готова приветствовать та же среда, где пользуются популярностью “исторические” писания группы А.Т. Фоменко (с. 30).

Отметим точное и исчерпывающее описание научной карьеры Н.Я. Марра. Перед читателем встаёт весьма одарённый человек, которого постоянно тянуло в новые, плохо ему известные области науки, но среди талантов которого одним из главных было умение соответствовать эпохе. До революции – ординарный академик, ктитор грузинской церкви в Петрограде, статский генерал, он стал деканом восточного факультета Санкт-Петербургского университета в 1911 г., когда министр просвещения Л.А. Кассо разогнал значительную часть университетской профессуры. После Октябрьского переворота Марр объявляет себя марксистом, резко отвергающим “буржуазную” науку и становится диктатором в языкознании. Мы бы прибавили к этому следующее. Как отмечал И.Е. Аничков [5], звание академика Марр получил не просто за исследования в области филологии и археологии. Он в 1903–1905 годах обнаружил и опубликовал перевод на древнегрузинский с древнеармянского трактат отца церкви III в. Ипполита Римского “Толкование на Песнь Песней Соломона”, греческий оригинал которого утерян. Этот текст и стал темой докторской диссертации Марра. Работа очень значимая для истории и культуры², но отнюдь не лингвистическая. Это филологическое исследование было бесконечно далеким от “нового учения о языке”. Весьма важной представляется также мысль о глубинных схождениях построений Марра с футуризмом. На это в своё время обратили внимание В.Н. Базылев и В.П. Нерознак [6], отмечая схождения маргинальной футуристической парадигмы языкознания с маргинальной марровской, приобретшей в какой-то момент статус господствующей. Действительно, как показывают собранные в хрестоматии тексты, Марр и теоретики футуризма И.Г. Терентьев и А.В. Туфанов писали сходным стилем и имели общность идей – замену научного исследования языка почти визионерс-

² Св. Ипполит Римский – одна из важных фигур ранней патристики, представитель “отцов церкви” второго поколения, – ученик непосредственных учеников апостола Иоанна. Понятен глубокий интерес к находке Н.Я. Марра.

кими рассуждениями о его магической сущности. Под выводами В.М. Алпатова о необходимости борьбы с пропагандой Марра (как и “учением” Фоменко) можно подписаться обеими руками.

Марр был главным гонителем советского языкознания. Правда, ни чины и регалии, ни близость к властям не избавляли его от страхов. По свидетельству его учеников, в 30-е гг. он ожидал ареста. Однако благополучно умер в своей постели.

Иной была судьба у других героев очерков. Николай Николаевич Дурново, Евгений Дмитриевич Поливанов, Николай Александрович Невский внесли огромный вклад в науку. Все трое были очень разными людьми. Так, Дурново был достаточно аполитичен. Оформив командировку от Академии наук, он уехал в Чехословакию, скорее всего, чтобы отдохнуть от разрухи, царившей в Советском Союзе (хотя в 1923 году жизнь стала налаживаться); поэтому не стал возвращаться, когда закончился срок его командировки. Но за 4 года он, хотя прочёл лекции в Праге и Брно, собирал материалы по русинским говорам в Закарпатье, не смог получить постоянной работы и вернулся в Советский Союз. Он работал в Минске, стал членом-корреспондентом АН СССР, а в 1932 г. был арестован как член “Русской национальной партии”. В письме прокурору он, именуя себя “никуда не годным заговорщиком”, признавался в нелюбви и к марксизму-ленинизму, и к капитализму. Тем не менее, был расстрелян и он сам, и его 24-летний сын Андрей.

Н.А. Невский был ещё более аполитичным (хотя ему приходилось выполнять в 1915–1917 г. задания Генерального штаба). Получив в 1915 г. стажировку в Японию, в 1917 году не вернулся в Россию. Некоторое время перебивался случайными заработками, затем стал профессором в Институте иностранных языков Осаки. С русскими эмигрантами (которых в Японии было очень мало) он не имел дела. Работал чрезвычайно плодотворно, изучая японские диалекты, тангутские рукописи (которые ему удалось в конце концов расшифровать), языки айнов и коренного населения Тайваня. Приехав в СССР в 1929 г., Николай Александрович опубликовал немного: учебник японского языка (в соавторстве с Е.М. Колпакчи), книгу “Материалы по говорам языка цоу”. Объяснялось это как большой педагогической нагрузкой, так и характером учёного, который с гораздо большим удовольствием собирал, обрабатывал и обдумывал материалы, чем выполнял рутинную работу по подготовке рукописей в печать. В 1937 г. великий учёный был арестован и расстрелян. Основные его

труды были изданы спустя 20–30 лет после его гибели: двухтомник “Тангутская филология” появился в 1960 г. и был удостоен Ленинской премии. При этом очень многие его рукописи были утеряны.

Напротив, Е.Д. Поливанов активно занимался политикой. Подобно Невскому, он был командирован в Японию во время I Мировой войны; Октябрьский переворот принял сразу и, вернувшись в 1917 г. в Россию, стал заместителем наркома иностранных дел (при наркome Троцком). Затем руководил лингвистической секцией РАНИОН. Поливанов мог бы стать руководителем советской лингвистической науки, но вступил в конфликт с Н.Я. Марром, не терпевшим конкурентов. В итоге, обвинённый в “буржуазной контрабанде в языкознании”, Поливанов был вынужден покинуть Москву. Последние годы он был профессором Самаркандского университета. В 1937 г. был обвинён в “троцкистской деятельности” и расстрелян. Три разные судьбы – общий финал, такой характерный для 30-х годов, – времени правления “эффективного менеджера”.

О Поливанове В.М. Алпатов пишет максимально объективно. О нём были опубликованы книги А.А. Леонтьева [7] и В.Г. Ларцева [8]. В них очень подробно рассказано о жизни и трудах великого учёного (внесшего огромный вклад в японистику, синологию, тюркологию, общее языкознание, лингводидактику, оставившего интересные идеи и о поэтике), приведены воспоминания о нём. Но об отрицательных чертах его личности эти авторы почти не упоминали. В.М. Алпатов говорит и о пристрастии своего героя к алкоголю и наркотикам, и о любви его к мистификациям, заключая свой очерк так: “Фигура огромная, выбивающаяся из любого ряда, пусть не во всех чертах вызывающая симпатии” (с. 93). История науки не должна превращаться в агиографию.

Н.И. Конраду повезло больше. Он, подобно Поливанову и Невскому, был командирован в Японию во время I Мировой войны (тоже не только для научных исследований, но и с заданиями от Генерального штаба). Вернувшись в Россию, стал преподавать японский язык и востоковедение. С 1922 г. жил в Петрограде (Ленинграде), арестован был в 1938 г. Вернулся из заключения, переехал в Москву, где стал главой отечественного японоведения. У Конрада была исключительно высокая как научная, так и человеческая репутация. Не опровергая её, В.М. Алпатов вносит существенные коррективы. Собственно лингвистические работы Конрада (монографию “Синтаксис японского национального языка”,

статью “О китайском языке”) он считает слабыми (с. 106). Неудача их, несмотря на их подробность и обстоятельность, определена, во-первых, эклектичностью теоретической базы, во-вторых, преимущественным вниманием к культурологии, когда исследователь настойчиво старается увидеть за языком мышление. Это плодотворно при изучении социальной стратификации языка и значительно меньше – в исследовании фонетики или морфологии. Конечно, и эти уровни языка могут быть социально мотивированы (так, русский родительный падеж местоимения *что* вместо именительного и винительного, особенно в аллегровом произношении *а чё* есть яркий признак просторечного стиля), но место таким вариациям в разделе “Стилистика” и “Социальная дифференциация языка”. Именно изыскания на эту тему оказались наиболее интересны в лингвистических работах Конрада. В целом же базовые уровни языка (особенно фонетика и морфология) требуют скорее отрешения от культурологии. Вторая черта Конрада-учёного – соответствие ожиданиям эпохи. До Октябрьского переворота он был либералом-западником. Его первая статья была посвящена системе образования в Японии. Он отмечал её положительные стороны – близость к европейской, и отрицательные – связь с наследием старой Японии. После Октябрьской революции Конрад выступает как сторонник социологического подхода. В литературе и языке он ищет прежде всего классовые черты. В 60-е гг. основные его интересы переместились к общим вопросам истории и теории культуры, – он публикует проблемные статьи, где прослеживает связь японских и китайских древностей с современностью (в частности, употребляет термин “тоталитарный режим”, говорит о непреходящей ценности гуманизма). Это даёт основание назвать его “шестидесятником”, тем более, что некоторые работы Конрада публиковались в “Новом мире” А.Т. Твардовского. В это время он выдвинул известную концепцию мирового Ренессанса, возникшего в Китае в VII–VIII вв., затем распространившегося по всей Евразии. Конрад менялся, но, как правильно пишет автор, никогда не доходил до крайности. Добавим к этому и то, что Н.И. Конрад всегда старался поддерживать преследуемых и сохранять память о погибших. Именно его усилиями был издан упоминавшийся двухтомник Н.А. Невского “Тангутская филология”. Велики заслуги Н.И. Конрада как просветителя: много лет он руководил серией “Литературные памятники”. Ему приходилось терпеть от цензуры: задуманное им издание трёх “Исповедей” – блаженного Августина, Ж.-Ж. Руссо и

Л.Н. Толстого – было запрещено³. Всё это обеспечило Николаю Иосифовичу почёт и уважение коллег.

Н.Ф. Яковлев же оказался в положении и гонителя, и гонимого. Этот учёный сделал ряд крупнейших открытий в языкознании: первым сформулировал основные принципы фонологии, открыл математическую формулу для построения алфавита, позволяющую экономить графемы без ущерба для фиксации фонологии языка, руководил Всесоюзным комитетом нового алфавита, написал грамматики нескольких кавказских языков. Предложил он и свой проект латиницы для русского языка. Но в конце 40-х гг. марристы перешли в наступление на представителей традиционной лингвистики. Проработкам подвергался и сам И.И. Мещанинов – официальный лидер советского языкознания. Р.И. Аванесов под давлением марристов отказался от некоторых положений Московской фонологической школы. А.А. Реформатский с минуты на минуту ждал увольнения. В этой кампании ведущую роль сыграли Г.П. Сердюченко и Н.Ф. Яковлев. Как известно, закончилось всё это дискуссией о языке 1950 г. и выступлением самого Сталина. После этого марровский период языкознания был официально закрыт. В 1951 г. Н.Ф. Яковлев был уволен из Института языкознания под предлогом невыполнения научного плана. Попытка восстановиться через суд привела Яковлева к тяжёлому нервному срыву, после которого он, по-видимому, так и не оправился, хотя прожил ещё 23 года.

В очерке о В.Н. Волошинове В.М. Алпатов кратко и популярно излагает содержание своей книги [9]. Он отмечает, что, хотя В.Н. Волошинов находился под сильным влиянием М.М. Бахтина, книгу “Марксизм и философия языка” написал он (хотя этот труд часто приписывался Бахтину). Стоит вернуть эту выдающуюся работу автору, подвергавшемуся гонениям и умершему на 41 году жизни от туберкулёза.

Весьма содержательны очерки и о других больших лингвистах – П.С. Кузнецове, В.И. Абаеве, Т.П. Ломтеве. Первые двое, истинные интеллигенты по духу, отличались принципиальностью в защите своих убеждений. В.И. Абаев начинал как ученик Марра, но уже в начале 30-х гг. начал пересматривать своё отношение к постулатам

³ В.М. Алпатов отмечает, что “Исповеди” Августина и Руссо были переведены заново; перевод первой из них был позднее (в 1972 г.) издан в “Богословских трудах”. К этому надо добавить, что перевод этот выдающийся филолог М.Е. Сергеев осуществил в блокадном Ленинграде в 1942 г.; до ступен широкому читателю он стал в 1991 г. [10].

сравнительного языкознания, фактически приняв многие из них. Его всю жизнь интересовала связь языка с историей, культурой, мышлением. Поэтому Абаев критически относился к структурализму, изучающему язык только как систему чистых отношений, и посвятил ему острую полемическую статью “Лингвистический модернизм как дегуманизация науки”. П.С. Кузнецов ответил на неё в не менее резком тоне. Он защищал структурный подход (здесь он сам был одним из крупнейших специалистов в СССР), который вполне плодотворен для изучения фонологии, морфологии и синтаксиса. В выступлении Абаева ему почудилась попытка установить в науке идеологический диктат – этим и объясняется категоричность суждений. Но В.И. Абаев никогда не стремился подлаживаться под требования эпохи, всегда высказывал только собственное мнение. Таковы истоки взаимонепонимания этих больших учёных.

Твёрдость П.С. Кузнецов проявил и в куда более драматических обстоятельствах – в конце 40-х гг., во время гонений на классическую лингвистику. Но решительность была свойственна Петру Саввичу прежде всего в отстаивании научной позиции. В жизни же он был добр и мягок. Похожим характером обладал и выдающийся японист Н.А. Сыромятников, также один из героев книги: бескомпромиссный в науке, мягкий и доверчивый в жизни. Что же, это одна из важнейших черт русского интеллигента.

Т.П. Ломтев был человеком иного жизненного опыта, иного воспитания. В молодости – активный участник группы “Языкофронт”, боровшейся с Марром и его присными за “истинно марксистское языкознание”. Его товарищи по этой организации Г.К. Данилов и Э.К. Дрейзен погибли в лагере, а Ломтев был только сослан в Минск, где преуспел: в 35 лет защитил докторскую диссертацию, побывал зам. директора минского Института языкознания, деканом местного филфака. Во время войны эвакуировался и работал под Москвой, в 1944–1946 году был заведующим отделом школ ЦК компартии Белоруссии. Естественно, чтобы давать школам партийные указания, Ломтев должен был сначала их воссоздавать. Затем он возвращается в Москву, становится профессором МГУ, секретарём парткома филфака. К этому времени у него появляется интерес к структурной и математической лингвистике. Изобличая буржуазное языкознание, Ломтев призывал, тем не менее, воспользоваться его достижениями. И, когда на факультете было организовано Отделение структурной и прикладной лингвистики, он стал с ним сотрудничать, читая

студентам курс “Современный русский язык”. По словам автора, на студентов он производил неоднозначное впечатление. Интерес к новейшим идеям в лингвистике, знание символической логики и теории множеств сочетались в нём с недостатком речевой культуры (с. 231), странным для профессора филологии. Это немало вредило его репутации. Могу подтвердить это собственными воспоминаниями. Когда я познакомился с выдающимся славистом Майклом Флайером, профессором Гарвардского университета, я спросил, у кого он стажировался в Москве. Тот ответил: “Вам это может показаться смешным, но моим руководителем был Ломтев”. Кажется, он обрадовался, когда я ему сказал, что считаю Ломтева крупным учёным. И автор заканчивает очерк о нём яркой характеристикой человека одарённого, но не получившего капитального образования в юности, всю жизнь старавшегося усваивать новое, но порой ошибавшегося в элементарных истинах. Такие фигуры могли возникнуть только в переломную эпоху, к которым, конечно, относятся и ранняя советская.

То же можно сказать и о двух востоковедах-историках – академике АН СССР Б.Г. Гафурове и академике АН УзССР М.Ю. Юлдашеве. Гафуров, сделавший большую партийную карьеру (первый секретарь ЦК компартии Таджикистана), почти 20 лет затем возглавлял Институт востоковедения АН СССР. Юлдашев – секретарь ЦК компартии Узбекистана – во время сталинских репрессий покинул республику. Во время войны был директором учительского института в Бугуруслане, затем – педагогического института в Саранске. Научную карьеру он сделал, вернувшись в Ташкент после войны. Оба занялись наукой в зрелом возрасте: Гафуров написал фундаментальную монографию “Таджики”, где рассматривал историю родного народа с древних времён, широко используя археологические данные и письменные источники. В ней подчёркнуто также, что таджики ещё не сформировались в единую нацию. И знание родной истории должно способствовать сплочению народа. Юлдашев защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую взаимоотношениям России с Бухарским царством, а докторскую – с Хивинским. Обе работы были основаны на архивных материалах, впервые введённых в оборот, поэтому ценность их несомненна. Есть подозрение, что и Гафуров, и Юлдашев писали свои работы не сами⁴: оба были гораздо больше администраторами, чем учёными,

⁴ Известный археолог Б.А. Литвинский утверждал, что труд “Таджики” написан именно им.

и русским языком владели не как родным. Период директорства Гафурова В.М. Алпатов считает лучшим в истории Института востоковедения: именно в это время было открыто Издательство восточной литературы (слившееся затем с “Наукой”), начались стажировки сотрудников в странах изучаемого языка. Что касается Юлдашева, то у него был конфликт с матерью и тёткой автора (работавших во время войны в Бугуруслане), у которых осталось о нем самое отвратительное впечатление. Они считали его невежественным самодуром, который завел в институте гарем из студенток и молодых сотрудниц. Однако, директорствуя в Саранске, он поддерживал ссыльного М.М. Бахтина. Интересные сведения (как положительные, так и отрицательные) о Юлдашеве сообщает мемуаристка К.А. Антонова, ещё один герой книги. Словом, можно найти сходные черты у обоих академиков: недостаток общего образования, слабая интеграция в русскую культуру, но при этом природная мудрость, позволяющая понимать значимость учёных, работавших в их подчинении. Как и “выдвиженец” Ломтев, такой тип мог появиться только при Советской власти.

Говоря о Гафурове, Алпатов отмечает и его жёсткость по отношению к “подписантам”, выступавшим против ввода войск в Чехословакию в 1968 г., преследование инакомыслящих. Автор, однако, полагает, что “здесь была и своя правда”: учёные должны заниматься наукой, а не политикой. Кроме того, опальные учёные не изгонялись из института (с. 253). Что же, Б.Г. Гафуров здесь отличался, скажем, от Ф.П. Филина, старавшегося увольнять всех “подписантов” из Института русского языка. Но далее В.М. Алпатов пишет, что при Е.М. Примакове, сменившем Гафурова, карьера проштрафившихся учёных шла вверх. Значит, никакой предписанной свыше необходимости их наказывать и при Гафурове не было. Странно выглядит фактический запрет на гражданскую позицию для учёных, противопоставление её науке. Ни у кого не вызвало удивления, когда Н. Хомский выступил против войны во Вьетнаме, а известный педиатр Б. Спок опубликовал документы о взрыве в Тонкинском проливе, из которых следовало, что это была провокация ЦРУ. Спок был осуждён, но вышестоящий суд приговор отменил, и никто не счёл, что политическая деятельность как-то мешает педиатрии. Не желая того, В.М. Алпатов наглядно показывает, насколько далёк от норм цивилизованного общества был СССР.

Неубедителен пассаж и об “объективно большом вреде”, который нанесло стране участие творческой интеллигенции в событиях 1917 и

1989–1993гг. (с. 254). Это настолько серьёзная тема, что её не стоит затрагивать вскользь в книге, посвящённой иным сюжетам. Вряд ли генералы Рузский, Брусилов и Алексеев, потребовавшие отречения Николая II, могут быть причислены к представителям “творческой интеллигенции”. А что принесла работа А.А. Шахматова товарищем министра просвещения во Временном правительстве – пользу или вред? Ведь именно он сумел добиться орфографической реформы русского письма, значительно упростившей правописание и приблизившей письменность к фонологической системе русского языка⁵. Возможно также, что именно активное участие творческой и иной интеллигенции в политике конца 80-х – начала 90-х помогло избежать кровавых эксцессов, часто возникающих при ломке государственного строя (“югославский вариант”). Мнения могут быть различны, но для их обоснования необходимы специальные исследования.

Рассказывая о воспоминаниях упоминавшейся К.А. Антоновой, и высоко их оценивая, В.М. Алпатов всё же упрекает её в приверженности “стереотипам конца 80-х”. Так, К.А. Антонова с негодованием говорит об известной Лидии Тимашук, с доноса которой началось знаменитое “дело врачей”. Алпатов с полным основанием замечает, что Л. Тимашук не была ни доносчицей, ни погромщицей (с. 259). Действительно, доносчицей её сделали следственные действия печально известного полковника М. Рюмина и антисемитская статья журналистки О. Чечёткиной “Почта Лидии Тимашук”. Она, врач кремлёвского кабинета электрокардиографии, написала в 1948 г. докладную записку о том, что А.А. Жданова неправильно лечат от инфаркта, в чём, возможно, была права. В 1952 году её докладная записка была использована Рюминым для репрессий против ряда высокопоставленных медиков. Но сама Тимашук вовсе не обвиняла их во вредительстве.

Другой “стереотипный” сюжет из воспоминаний К.А. Антоновой – предполагаемая высылка евреев, планировавшаяся Сталиным в начале 50-х гг., – по мнению В.М. Алпатова, не нашёл подтверждения (с. 259). Но я бы не стал утверждать этого так категорично. Пока документов, содержащих детальный план выселения, действительно не найдено. Но существует масса косвенных свидетельств, например, письмо высокопоставленных евреев с обоснованием этой меры,

⁵ Попутно отметим, что в эмигрантской и постперестроечной печати реформа Шахматова оценивалась иногда резко отрицательно как “большевистская”. Научных оснований для этого нет.

письмо И.Г. Эренбурга И.В. Сталину с возражениями против этого письма⁶.

С большим интересом читается очерк о моём учителе О.С. Широкове. Замечу попутно, что “жгуче-чёрной бороды”, вопреки утверждению автора (с. 291), у него не было: Олег Сергеевич был шатеном с рыжеватой бородкой. Очевидно, он, с его колоритной внешностью, казался автору книги похожим на булгаковского персонажа – демонического метрдотеля Арчибальда Арчибальдовича. На мой взгляд, рассматривая личность ученого вне его трудов, автор несколько обедняет образ этого, по его признанию, “нестандартного человека”: речь идёт только о его докладе, посвящённом дискуссии 1950-го года, публикации работ евразийцев и очень кратко – о подготовленном О.С. Широковым учебнике “Языкознание: Введение в науку о языках”, вышедшем через 6 лет после его смерти. В действительности Широков был крупным, хотя и недооценённым лингвистом. Достаточно сказать, что “глоттальную” теорию он выдвинул одновременно с Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Ивановым. Но нелюбовь к писанию не позволила ему развить эту теорию столь же подробно. В целом же, конечно, публикация такого очерка (который больше трёх лет находится на сайте librarius-narod.ru) очень важна. Учёный масштаба О.С. Широкова не должен пребывать в забвении.

Особняком стоит раздел, посвящённый С.А. Старостину. Здесь автор, посмеивавшийся над житийным стилем в первой главе, посвящённой Марру, сам не избегает житийных подробностей: со ссылкой на Вяч.Вс. Иванова он говорит, что С.А. Старостин мог читать на 400 языках. Сам же Старостин в интервью “Известиям” говорил, что владеет двадцатью языками, а привлекал для исследования – сто. Тоже внушительная цифра, но более правдоподобная. Но и в такой, написанной с восхищением биографии мелькают весьма характерные детали. Так, по словам В.М. Алпатова, Старостин отказался ехать в Японию, так как японская компаративистика в этой стране весьма слаба (с. 317). Наверное, это так. Но очень странно, что человек, много лет изучающий японский язык, написавший о нём монографию [12], совершенно не проявил интереса к Японии. Такой мастер полевых исследований мог бы изучать диалекты, как это делали в начале XX в. Н.А. Невский и Е.Д. Поливанов. Упоминает Алпатов и о малом внимании Ста-

ростина к трудам предшественников (из-за чего тот наживал себе недоброжелателей). “Ему было проще сделать самому, чем выяснять то, что уже сделали другие”, – заключает автор (с. 319). А это черта, явно противоположная гуманитарному мышлению. Таким был, судя по воспоминаниям, Л.Д. Ландау. Он не любил читать, поэтому ученики пересказывали ему содержание новых научных публикаций, а он перепроверял расчёты. Но в гуманитарных науках традиция ничуть не менее важна, чем материал, потому что информация в гуманитарном тексте формализуется гораздо меньше, чем в естественнонаучном. И, в отличие от физики и математики, основные идеи гуманитарного текста не могут быть полностью изложены в учебнике или реферате. Для того, чтобы быть в курсе собственной проблемы, необходимо знать по возможности всю литературу, ей посвящённую (хотя это и не всегда достижимый идеал). И правила научной этики требуют уважения к труду предшественников. Ещё одна “житийная” деталь, упоминаемая В.М. Алпатовым – опять со ссылкой на Вяч.Вс. Иванова, – что герой очерка за три дня овладевал новым диалектом (с. 322). Но очевидно, что для квалифицированного компаративного исследования любого диалекта им надо заниматься по меньшей мере несколько лет.

Итак, мы видим персонажа, противоположного по типу мышления Н.И. Конраду. Если у Конрада культурологические интересы препятствовали его лингвистическим работам, то у Старостина, похоже, полностью отсутствовало чувство языка как культурного феномена. Его работам это, на наш взгляд, на пользу не шло. Не углубляясь в дебри ностратики и дене-сино-кавказских реконструкций, замечу, что убедительных аргументов в пользу родства индоевропейской семьи с какой-нибудь другой пока нет. Алтайская теория признаётся далеко не всеми (см. из последних публикаций [13], где доказывается, что все тюрко-монгольские схождения есть результат многовековых контактов, а не генетического родства). В родстве сино-тибетских и северокавказских языков убеждены только ученики и соратники С.А. Старостина. Списочные же модели глоттохронологии, которыми много занимался Старостин, представляются не очень информативными. Лексико-статистические методы содержательны тогда, когда они ориентируются на словарь в целом [14] или на текст и наиболее частотные слова [15]. Главная идея, которой вдохновлялся С.А. Старостин, – реконструкция общечеловеческого праязыка, – полностью недостижима. Во-первых, нет оснований полагать, что он когда-либо существовал (и сам

⁶ Различные версии этой истории рассмотрены в [11, с. 797–829]. Попутно отмечу, что широко известны немалочисленные случаи увольнения евреев с работы в 1950–1952 гг.

В.М. Алпатов признаёт недоказанность этого). В настоящее время появилось достаточно исследований, в которых предполагается, что язык мог возникнуть в рамках отдельного племени [16–18], т.е. единство происхождения человека никак не предусматривает единого праязыка. Во-вторых, информацию по известным примерно 5200 языкам едва ли возможно уместить в одной голове. Надежда на коллектив специалистов по отдельным семьям, чьи исследования можно синтезировать, оказывается призрачной: подход любого исследователя к такому сложному объекту, как лингвистическая реконструкция, всегда будет субъективным. И в этом тоже проявляется специфика малоформализуемого гуманитарного знания (см. также [19]). На примере индоевропейского языкознания можно видеть, насколько сложны проблемы классификации языков, как по-разному разрешаются вопросы восстановления фонологии и морфологии. Отдельные реконструкции из Словаря Ю. Покорного, при всех его научных достоинствах, тоже часто оспариваются. И если таково положение дел в самой развитой и самой надёжно документированной области сравнительного языкознания, то изучение большинства языковых семей, состоящих в значительной части из бесписьменных языков, тем более не даёт оснований для реконструкции праязыков глубиной в десятки тысячелетий. Характеризуя героя этого очерка, автор отмечает, что его вера в реконструкцию “языка Адама” была сродни религиозной. Но таким же образом относился к своим построениям и Н.Я. Марр. Композиция книги оказалась кольцевой.

Сетования же автора на недостаточную известность Старостина широкой публике и зарубежным коллегам не вполне обоснованы. Интервью в “Известиях” в 1995 г., беседа в “Школе злословья” в сентябре 2004 г. (этот выпуск иронически прозвали “Школа добрословья”: обычно колючие ведущие Т. Толстая и Е. Смирнова были на удивление благостны), – кто ещё из лингвистов имел такое паблисити? Только Вяч.Вс. Иванов и А.А. Зализняк. Неоднократно писал о Старостине и журнал “Знание – сила”. В 2006 г. к автору этих строк обратился корреспондент журнала “В мире науки” Б.Б. Жуков. После нашей беседы он опубликовал статью “Наука, показывающая язык”, куда вошли некоторые высказанные мной положения. Но в значительной части она была посвящена плетогоническим идеям Старостина. То же можно сказать и о загранице. С.А. Старостин постоянно ездил в США, где его грандиозные идеи воспринимали, конечно, отнюдь не все. В конце жизни он разрабатывал

проект “Вавилонская башня” совместно с университетом Санта-Фе, а за несколько месяцев до смерти стал почётным доктором Лейденского университета.

Отметим также очерки, посвящённые М.А. Алпатову и З.В. Удальцовой. Они не были ни лингвистами, ни востоковедами, но формировались в ту же эпоху, что и многие другие герои книги, их жизнь включила в себя множество перипетий, происходивших со страной: М.А. Алпатов принимал участие в Гражданской войне; и он, и Зинаида Владимировна во время Великой Отечественной войны преподавали в эвакуации, где и познакомились. В очерках о родителях тоже сказались определённая политическая ангажированность автора. Конечно, глубокое уважение вызывает то, что М.А. Алпатов и З.В. Удальцова, будучи убеждёнными коммунистами, не меняли мировоззрения в эпоху перемен. Но, рассказывая о работе Михаила Антоновича в Институте истории, автор указывает на его конфликт с либерально настроенным партбюро (с. 342). Для полноты картины следовало бы отметить, что одного из членов этого партбюро – А.М. Некрича – за его книгу “22 июня 1941 года” уволили с работы и вынудили эмигрировать. В этой книге подвергались резкой критике действия советского руководства в первый период II Мировой войны, приведшие к катастрофе 1941 г. В судьбе Некрича вины М.А. Алпатова, конечно, нет, но надо подчеркнуть, что его оппоненты были гонимыми. Сомнительно звучит пассаж о “якобы реабилитации сталинизма, которая не состоялась” (там же). Она, по счастью, действительно не состоялась. Но угрозу её ощущали многие, не только сотрудники Института истории. Об этом свидетельствует “Письмо 25” (14 февраля 1966 г.) против реабилитации Сталина и “Письмо 13” (26 марта 1966 г.) в поддержку авторов первого письма. Подписали эти письма крупнейшие учёные, писатели, художники. Среди них был, к примеру, лауреат сталинских премий живописец С.А. Чуйков, автор плакатно-официозного полотна “Дочь Советской Киргизии” (но и выдающейся картины “Живая вода”). Так что угроза возрождения сталинизма в середине 60-х гг. была вовсе не призрачной. А вот рассказ о профессиональной деятельности Зинаиды Владимировны звучит очень актуально. Она много занималась гибелью Византийской империи, которая в наши дни иногда становится предметом политических спекуляций (см. показанный несколько лет назад по телевидению фильм Т. Шевкунова “Гибель империи”, где основной причиной этого события были названы происки Запада и поддерживавшей

его высшей знати, так сказать, олигархов того времени⁷).

В целом книга В.М. Алпатова весьма содержательна. Она даёт представление о развитии лингвистики и востоковедения за 100 лет, доступное и интересное не только для лингвистов; её вполне можно рекомендовать массовому читателю, интересующемуся историей науки. Отдельные спорные положения не умаляют её высоких познавательных достоинств. Остаётся пожалеть о незначительности тиража.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. Марр: История одного мифа. М., 1991.
2. Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX–XX вв. М., 1988.
3. Серебrenников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языковой действительности. М., 1983.
4. Иванов Вяч.Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
5. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. М., 1997.
6. Базылев В.Н., Нерознак В.П. Традиция, мерцающая в толще истории // Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания: Антология / Сост. В.Н. Базылев, В.П. Нерознак. М., 2003.
7. Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов. М., 1983.
8. Ларцев В.Г. Е.Д. Поливанов: Страницы жизни и творчества. М., 1988.
9. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
10. Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991.
11. Сарнов Б.М. Сталин и писатели. М., 2008. Кн. 2.
12. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
13. Рассадин В.И. Тюрко-монгольские лексические связи. Барнаул, 2007.
14. Журавлёв А.Ф. Лексико-статистическое моделирование славянского языкового родства. М., 1994.
15. Maniczak W. La classification des langues romanes. Kraków, 1991.
16. Абаев В.И. О происхождении языка // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: Сборник статей по иранистике, общему языкознанию, евразийским культурам. М., 2000.
17. Якушин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1985.
18. Барулин А.Н. К лингвистическому обоснованию языкового полигенеза // Разумное поведение и язык. М., 2008.
19. Шапир М.И. Вместо послесловия: О возможностях и границах “точных методов” в гуманитарных науках // Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Сост. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков, М.И. Шапир. М., 2006.

⁷ Здесь приходится отвлечься от основной темы нашей статьи, чтобы расставить точки над *i*. В действительности высшая византийская знать относилась к Западу резко враждебно. Командующий флотом и одновременно первый министр Лука Нотару объявил в ответ на предложение римской курии о военной помощи: “Турецкий полумесяц мне милее, чем латинская тиара!” Турецкий полумесяц и воссиял над собором Святой Софии, а Лука вскорости после этого был казнён за отказ отдать своих детей в гарем турецкому султану. Информацию об этом можно почерпнуть и из трудов З.В. Удальцовой.